

Алексей Юрьевич Кузьмин

16+

Изгнанники

они еще не стали славянами

Алексей Кузьмин

Изгнанники

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузьмин А. Ю.

Изгнанники / А. Ю. Кузьмин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0496-9

Приключенческая повесть. 63 год до н.э., Митридат Евпатор возвращается в Пантикапей из Малой Азии после поражения от Помпея. Армия Митридата состоит преимущественно из даков и галлов, также сарматов, скифов и боспорских греков. Митридат обречен, Рим уже подготовил почву для восстания, проводит морскую блокаду, перекрыл торговлю, перекупает воинов и горожан. Галлы и даки устали от войн. Их земли заняты Римом. Они отправляются в свой последний поход на Борисфен. Скифы, сарматы, амазонки, античные предки славян.

ISBN 978-5-5321-0496-9

© Кузьмин А. Ю., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

«Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».
посвящается Надежде

Часть первая

Цари Морей, Герои Степей

Битоит

Было это вечером середины короткой понтийской зимы. Митридат возвращался из Армении в Боспорское царство, истощенный, израненный, потерявший былую богатырскую силу. Но дух воина все еще жил в нем – он верил, что однажды соберет войска, разобьет римлян, и создаст великое государство от Италии до Индии.

Скрипели колеса, медленно брели воины, редкие конники вели в поводу навьюченных поклажей коней.

Рядом с царем шли отряды галлов, германцев и фракийцев – так всегда во времена поражений – дальние становятся надежнее ближних. После измены армян Митридат не верил уже никому, но этих наемников он подозревал меньше, чем других.

Командовал этим сбродом Битоит – галл, во всяком случае, по отцу. Его мать была то ли из Вифинии, то ли из Фракии, он и сам не мог этого сказать. Спутанную гриву светлых волос прикрывал скифский кожаный колпак, на коротком шерстяном хитоне болтался греческий кожаный доспех с парой медных блях. Он носил скифские штаны со скифскими же короткими сапогами, неразлучными с парой засапожных кинжалов, на голых по локоть руках тусклой серебряной насечкой поблескивали железные индийские браслеты, украшенные рельефными ягодами – чтобы не скользил отражаемый клинок, и только толстая витая гривна желтого золота напоминала о родстве Битоита с галлами. Сейчас он вглядывался и принимался – впереди дымил костер, и, похоже, жарилось мясо, а войско порядком проголодалось за эти дни постоянных отступлений и неудач.

Действительно, впереди горело несколько костров, стояли телеги с сеном и хворостом, в котлах варилось мясо с зерном, на углях жарились потроха баранов – похоже, кто-то из союзных Митридату колхидских правителей вспомнил о долге гостеприимства?

Оказалось, не совсем так. Среди встречающих было только двое мужчин – калека и седой глава деревни, приютившейся на скалах между горами, морем, и отвесным берегом горной реки.

Воины не задавали вопросов, пожилые женщины молча наливали похлебку, резали мясо, а старики не спешили с речами, ожидая, когда с ними заговорит кто-нибудь из обладающих властью.

Митридат слишком устал, чтобы сейчас вести разговор, и послал на переговоры командира скифов – своего сына Фарнака, свою шестую жену – воительницу Гипсикратию, и Битоита, разумеется.

Пока воины рвали зубами сочащиеся жиром куски, они втроем вышли к старикам, стараясь не показать ни своего отчаянного положения, ни терзающего их голода.

Пошел снег с дождем, они накинули длинные бурки из шерсти овец, головы замотали башлыками, едва виднелись глаза. Фарнак и Битоит были в черных одеждах, а Гипсикратия носила бурку и башлык снежно-белого цвета, ее одежда топорщилась – на спине под буркой висел лук с колчаном длинных стрел.

Оказалось, что искалеченный ветеран неплохо говорит на эллинском языке, но вот смысл того, что он переводил из речей старейшины, немного ускользал от Понтийских стратегов.

– Сначала злой зверь воровал наших детей. Мы сочли это происками соседей – там выше в горах соседская деревня, они тоже считают себя потомками албанов, но язык у них другой. Потом у нас стали пропадать молодые девушки. Мы крупно поссорились с соседями, но оказалось, что и у них те же беды, что и у нас. Несколько недель назад наши охотники напали на

след большого зверя. Мы собирались собрать облаву, отправили послов в деревню к соседям, но там все были убиты, а жилища разрушены. Наши люди нашли много следов от больших когтей, мы решили, что это стая огромных медведей, но все знают, что медведи не живут старыми. Несколько дней назад наши воины и охотники ушли на большую охоту за неведомым зверем, но так и не вернулись. Мы узнали, что царь со своим войском идет мимо нашей деревни, и решили просить у него помощи, – окончил свою речь переводчик, а старейшина по глазам пытался понять, ясен ли пришельцам смысл перевода.

– Это ловушка, – бросила Гипсикратия, – медведи не охотятся стаями.

– Это двойная ловушка, – пробормотал Фарнак, – если мы откажемся, то потеряем уважение, на нас будут нападать все, бить в спину, по ночам.

– А я думаю, что это дракон, а не стадо медведей, – сказал Битоит по-персидски, и заметил, как дрогнула макушка у переводчика-калеки, – В Колхиде издревле водились драконы, герой Ясон бился с таким за Золотое Руно. Драконы спали в пещерах много лет, и вот один из них выполз. Мы убьем его большими копьями, – добавил он погромче, на греческом.

Фарнак и Гипсикратия с изумлением смотрели на Битоита – обычно он не показывал такую откровенную глупость.

– Эй, старейшина, – прокричал Битоит, – а вино у тебя найдется? – ручаюсь, что он предложит вино только для царя и его охраны, – прошептал он на языке римлян своим спутникам.

– Старейшина выкрикивал гортанные фразы, в которых явно был избыток согласных звуков, а калека-переводчик на неплохом греческом сообщил, что воинам придется идти вверх по сложной тропе, их рука не должна дрогнуть, а нога – оступиться, но вот для царя и его свиты они приготовили две амфоры родосского.

Фарнак внимательно посмотрел на Гипсикратию, и произнес:

– Предлагаю нашему проницательному Битоиту подготовить план облавы на дракона, пусть выберет копьё подлиннее, похоже, он знает, что делать, – произнес Фарнак с нажимом на слове "что".

– Сначала воздадим честь трапезе, принесем жертвы богам, – предложил Битоит.

Ночь прошла в сытном дремотном сне, но, впрочем, иберы и колхидцы были заняты разведением дополнительных костров по периметру лагеря, носились в шуме и гаме, изредка постреливая в темноту зажженными стрелами. Митридат одобрил план охоты: вспомогательные отряды сопровождают албанских женщин в их деревню, ударная сила поднимется в горы, будет искать следы, и штурмовать пещеру дракона. В лагере остаются только царь с семьей, и его личная охрана из людей Битоита.

Гипсикратия вызвалась идти в деревню, ее прищуренные глаза вспыхивали недобрым огнем, когда она говорила о старейшине:

– Полагаю, что в деревне мы найдем золото римлян, – заключила она.

Митридат согласно кивнул:

– Наш общий друг Помпей, я полагаю, постарался. Он делает успехи. У Рима сейчас слишком много золота, их клиентская сеть растет.

– Отец, как так получилось, что Запад стал богаче Востока? – недоумевал Фарнак, – я готов признать, что у римлян лучше дисциплина и выучка солдат, но откуда у них столько денег?

– Гней Помпей – республиканец, – заметил Митридат, – республиканцы не тратятся на роскошь, поощряют земледелие, снижают налоги на торговлю. Мы, потомки македонцев, владеем Азией со времен Александра, мы живем в двух параллельных мирах. С одной стороны, у нас македонская традиция военной аристократии, с другой – у нас персидская сила, роскошь, масштаб. Мы теряем деньги, мы их находим. Мы теряем армии, мы их вербуем заново. Все зависит от единственного человека – героя и лидера. Если я умру, римляне легко овладеют всем моим царством. Если умрет Помпей – они просто выберут нового консула, того же Цезаря.

– Значит, ты считаешь, что Рим непобедим? – нахмурился Фарнак.

– Рим объявил своих граждан исключительными по праву рождения. Все остальные для них варвары – даже греки, египтяне, персы – народы древние, владеющие культурой и мудростью. Чтобы новый гражданин Рима получил земельный надел, должна быть сожжена деревушка где-нибудь в Галлии, Германии, или Македонии. Чтобы десять римских граждан жили в достатке, сотня неримлян должна быть убита, тысяча должна влачить жалкое существование, и все потенциальные Карфагены должны быть разрушены, – с горечью процедил Митридат.

– Но не так ли устроены и государства тиранов? – спросила Гипсикратия.

Митридат посмотрел на жену, и покачал головой:

– Тирания – удел малых и завистливых государств. Величие проявляется в умении согласовать интересы многих. Кир Великий не был тираном. При нем персы провели воду на пустынные плоскогорья, построили дворцы и сады, люди были накормлены. Кир не делил подданных на граждан и неграждан, он иудеев вернул на их родину, и добился союза с Карфагеном. Дарий Великий не был тираном. При нем персы построили дороги от Индии до Египта и Дарданелл, торговля расцвела. Великий Александр не был тираном, он уравнивал македонцев и персов, а мы – лишь жалкие его потомки, потерявшие главное, мы снова превратились в восточных царьков.

– Ты владел половиной мира, ты объединил всех потомков Александра, персов и эллинов, ты достоин Александра! – вспыхнул гневом Фарнак.

Битоит смотрел на Фарнака, и будто видел перед собой Митридата во дни молодости. Неясный червячок тревоги вдруг начал грызть душу, предвещая очередную беду.

– Битоит! – позвала его Гипсикратия, – я прошу тебя быть с царем, и... пригляди за Эллоной, прошу тебя!

Битоит ухмыльнулся, привычно напялив маску недоумка:

– Эллона, вроде, сама может за себя постоять, ты дочку не балуешь! – он рассмеялся, подмигивая Митридату – тому нравились успехи дочки в военном деле.

– Будет сидеть подле моих ног, пока не вернется войско, – отрезал шуточный тон Митридат, – а я выплусь пока, раз ни на что другое сейчас не способен.

Отряды строились под значками, делились на две колонны. Фарнак вел ударные силы пехоты вверх по ущелью, Гипсикратия с горсткой конных сопровождала опустевшие повозки, охраняя поселян. Постепенно обе колонны втянулись в предгорья, и исчезли в туманной мороси.

Битоит тут же начал укреплять лагерь, его люди построили две стены с башенкой в сторону гор, штормящее море прикрывало с тыла, галлы и фракийцы разобрали свои копья и боевые топоры – в такой сырости луки были бесполезны. Когда с этим было улажено, он вернулся в тепло натопленный шатер Митридата.

Митридат лежал с закрытыми глазами, у его ног сидела девочка-подросток в коротком шерстяном хитоне, кутающаяся в меховой плащ. Эллона была отличной лучницей, как и ее мать, но ее навыки сегодня были почти бесполезны. Один-два выстрела – и тетива намокнет в таком тумане...

Митридат открыл глаза, будто и не спал:

– Сколько нужно солдат, чтобы атаковать нас?

– Не меньше тысячи, – Битоит уже сам догадался, что они все-таки попались в ловушку, здесь столько не спрячешь, да они и бесполезны на узком пляже, – тут в ряд больше трех десятков не поставишь!

– Значит, их цель – не мы!

– Мама! – вскочила на ноги Эллона.

– Что может быть интересно Помпею в нашем разбитом войске? – Митридат уже сам просчитал ответ.

– Кроме царя Митридата, которого Помпей ненавидит всем сердцем... Амазонка! Для травли на арене, на потеху римлянам, – Битоит уже набрасывал бурку и накручивал башлык.

– Стой! Додумай уже до конца! – приказал Митридат, – Как они организуют атаку?

– Заведут пехоту в пещеры со множеством проходов, своих людей отправят выше в горы, там наверняка есть крепкие места, а в деревне, несомненно – засада. Конные, без луков, их цель – Гипсикратия. Пронесутся мимо нас вскачь, поедут прямо к Помпею в Каппадокию. Возможно, ударят по нам еще и с тыла, по кромке моря.

Битоит высунул голову из шатра, заорал, приказывая разбирать лагерь, а перекрывать проход вдоль моря южнее речного устья.

– Мальчишку своего пошли за Фарнаком, – подсказал Митридат, – пусть возвращаются!

Мальчишка вообще-то был младшим подручным войскового жреца Полиандра, но в их жалкой участи совмещал служение жрецу со служением воителю, меньше опасаясь грубости Битоита, чем ласк похотливого служителя Зевса.

Впрочем, старческую плоть Полиандра с успехом согревали двое старших учеников – смазливый и вечно сытые Аркобазан и Фидий.

Джулат мигом влетел в палатку, уяснил, что сказать Фарнаку, понял, по какой дороге скакать, выбрал лошадку поменьше ростом, и уже на ходу обнаружил, что на нем мягкий плащ царевой дочери Эллоны. Это оказалось как нельзя кстати, ибо мелкий дождь вскоре сменился крупными хлопьями снега.

Фарнак

Боспорское войско втянулось в ущелье, прямое и ровное, с бурливой и глубокой рекой. Провожатый – тот самый калека-переводчик – махнул рукой в сторону левого притока. Эта речушка была значительно меньше, легко перейти вброд, но ущелье имела глубокое и скалистое, петлями выводящее на плоскогорье. Фарнак едва поспевал за стариком, который ловко прыгал по узкой тропке, ведущей вдоль прихотливо извивающегося русла. На выходе на плоскогорье ущелье извивалось улиткой, расширялось, рассыпалось на несколько оврагов. Калека махнул култей руки в сторону высокой стены – на высоте нескольких десятков человеческих ростов зияло отверстие пещеры. Чтобы подойти ко входу, требовалось сперва по оврагам подняться почти до самого плоскогорья, а затем идти по карнизу под скалами, нависающими над скальной стеной ущелья. Снизу карабкаться не имело смысла, сверху – потребовались бы крепкие веревки, которых у них не было.

Фарнак подумал, где бы он сам организовал засаду, и решил, что либо это будут лучники в пещере, либо пращники наверху, на плоскогорье. Он послал десяток скифов разведать поверху, а в пещеру пока решил не соваться – поискать топлива, чтобы выкурить либо зверя, либо человека.

– Следы вели туда, – пояснил калека, показывая на проем пещеры.

– Ты заходил внутрь? – поинтересовался Фарнак.

– Лазил мальчишкой. Там много ходов, есть вертикальный колодец, внизу подземная река.

Крикнула птица – скифы предупредили, что вокруг никого нет. Значит, пещера.

Проводник осторожно шел впереди, и вдруг ужом скользнул вперед, во мраке сыром растворившись. Фарнак сплюнул:

– Костер! Сырых веток побольше! Кстати, какого демона он нас завел в эту глушь?

– Отманить нас решил от царя, заманил сюда, там небось сзади его родичи нам тропу сбивают! – словоохотливо объяснил кто-то из сивоголовых ветеранов, не дослужившийся до команд, но сумевший сберечь себя в сотнях сражений, что тоже было неплохо.

Фарнак завыл волком, так, что эхо пошло по ущелью, послал два десятка назад охранять тропу, полсотни рассыпал по плоскогорью – по дыму искать выходы из пещеры, остальные уже сложили перед пещерой гору сучьев в два человеческих роста. Огонь долго не хотел зани-

маться, но, в конце концов, пошел дымок, и вот уже ветер в пещере ревет, как в дымоходе великанов. Тяга была превосходной, гора сучьев не уменьшалась, в огонь летели мокрые ветки, обвитые вечнозеленым плющом, гнезда омелы с маленькими цветочками, бурая прошлогодняя листва. Дым летел в пещеру, воя в вихре, и оттуда вскоре донесся ответный вой, полный муки, кашель, и шум спотыкающихся шагов.

Выскочило с пол-дюжины, лохматые, с невидящими глазами, некоторые размахивали клинками в виде серпов с заточкой по внутреннему краю. Калеки меж ними не было – то ли свои затоптали, то ли покончил с собой, задохнулся, упал – лезть проверять никому не хотелось.

Собрали диковинные серпы, одного пленника, поздоровее остальных, оставили для царской беседы, хотели было еще поискать по плоскогорью, но тут вестовой примчался от царя – мальчонка Джулат, и Фарнак решил не терять времени. Все же попытка вредительства на тропе была – на четыре шага в длину срезали уступ, но у Фарнака было несколько каппадокийцев, умевших чинить горные тропы, и они быстро отрыли надежный карнизик не хуже прежнего.

Митридат

Баррикаду не успели толком закончить, как с тыла понабежали враги. Это были не армяне и не колхидцы – похоже, Помпей сумел договориться с кем-то из малых народов, живущих между великой степью, горами и морем. Нападающие были одеты в овчины, военной выучки не имели, но кричали громко, и лезли довольно смело на бронзовотелых воинов Митридата. Митридат принял от Битоита доспех, поверх доспеха набросил свою барсовую шкуру, вырвал его копье:

– Этих беру на себя! Скачи за Гипсикратией, не опоздай! – и бросился в самую гущу свалки. Он с удовольствием загнал копье по середину наконечника в грудь одного из нападавших, с хлюпающим звуком выдернул, мазнул вправо, рассекая листовидным острием горло еще одному смельчаку, перевернул, и тупым концом опрокинул третьего. Тело разогрелось, раны не ныли, это была настоящая жизнь, Митридат заревел, и помчался, разя направо и налево.

Битоит

Увидев спину Митридата, исчезающего в гуще свалки, Битоит свистнул своим галлам, троих послал прикрывать спину царя, а с остальными разобрал оставшихся верховых лошадей. Хватило на три десятка, он вскочил, и не успел выкрикнуть приказ о выступлении, как на седло перед ним прыгнула Эллона. Девчонка уже слегка замерзла, он прикрыл ее своей буркой, гневно уставился с невысказанным вопросом.

– Хочешь спросить, почему не греюсь у ног батюшки? – осведомилась Эллона.

Жребий можно было и не бросать – ясно, что ее место действительно здесь.

Им бросили еще овчину – скифский кафтан мехом внутрь, и отряд пошел вперед. Видели след от обоих утренних колонн, пошли по тому, который вел в сторону деревни. Подниматься пришлось по заросшему буковым лесом хребту, который выводил в горы высоко над ущельем реки, выше и севернее, и скоро половину горизонта закрывали ряды покрытых снегом гор, а море лежало в густых туманах далеко внизу. Сначала они увидели остовы сожженных, развалившихся сторожевых башен по сторонам от тропы, потом – еще и еще, и еще выше целый городок каменных построек, прижимающихся к краю лесистой горы. Среди построек метались огни, бегали люди.

Эллона

Без своего мягкого плаща она сперва немного замерзла, немного обиделась, что о ней все моментально забыли, делать нечего, пришлось напомнить о своем существовании. Похоже, телохранитель отца вовсе не был горд тем, что на его седле оказалась дочка повелителя половины Вселенной, гордого соперника Рима, владыки Понтийского царства. А, варвары – что они могут понять в делах высокой политики. Ей было неудобно прижиматься к жесткому панцирю, спереди она была зажата руками в ледяных железных браслетах, хоть от коня шло какое-то

тепло. Им бы только доскакать до мамы, там она покажет этому варвару, как бьются настоящие амазонки – у нее-то меч за спиной наискосок, с рукояткой над правым плечом – царский меч, благородная бронза. А вот варвар-то скачет с пустыми руками – копьё у отца! Эллона предвкушала час своей славы.

Гипсикратия

Когда въехали в каменную деревню, сзади раздался грохот бревен – завалили улицу, выводящую из лабиринта улочек на горную дорогу. Гипсикратия хладнокровно достала лук, наложила стрелу, и пригвоздила старейшину к щелястой каменной кладке. Бросать лошадей не хотелось, пришлось нестись вскачь по узким петляющим улочкам, выискивая брешь в мышеловке. Им под ноги что-то бросали, что-то летело сверху, свистнул десяток стрел – неточно и не сильно. Она тоже послала еще одну стрелу, но тетива размокла, и лук перестал звенеть, обмякнув, как мускул старца. Вокруг Гипсикратии были скифы, фракийцы и аланы, все свои, испытанные воины, они прорвали линию защитников в середине деревни, и поднимались по узким улочкам вверх, надеясь найти удобное место для обороны. Вскоре такое нашлось. Дворик с текучим ручьем, навесы с соломой, стены все в щелях бойниц.

Бойцы быстро ворота раскрыли, на стену взобравшись. Внутри коней завели, и поставили их под навесы. Были такие в отряде, что разом забыли себя, о конях хлопотали – и только. Гипсикратия таких уважала, но собрала десятников, разделили людей и припасы. Каждый сам себе выбрал, что удобней кому защищать. Гипсикратия распорядилась насчет воды – ясно ведь, сперва попытаются поджечь, а потом уж полезут под копыя... Решив с командами, она выбрала для себя крепкий боевой топор на недлинной рукоятке, махнула им пару раз, примеряясь к действиям в тесном пространстве. "Продать жизнь, так подороже", – она знала, что слава Митридата уже позади, и их всех ждет только скорая смерть. И лучше погибнуть в бою, чем попасть в руки римлян.

Она вспомнила судьбу Стратоники, четвертой жены Митридата. Митридат оставил ее в крепости Комана, где хранились его многочисленные сокровища. Стратоника очень боялась за своего сына Ксифара, и из-за этого произошло страшное. Стратоника была в Комане, когда крепость осадили отряды Гнея Помпея. Стратоника сдала город с единственным условием – чтобы ее сыну была сохранена жизнь. Римляне свое дело сделали. Но Митридат не простил измены своей царственной супруге, и казнил сына у нее глазах.

Гипсикратия была шестой женой Митридата, и сейчас осталась единственной – первую жену тот казнил за измену, еще двух – чтобы не достались римлянам, от одной отказался. Что произошло с пятой женой, никто точно не знал, но ее, вероятно, схватил Помпей.

Битоит

Гипсикратия, похоже, была жива – деревня наполнилась снующими тенями, дымом, и мельтешением огней. Орала, как в Афинах на собрании. Лезть через муравейник улиц Битоиту очень не хотелось, он крикнул своим, чтобы нашли удобное дерево, и по дуге, обходя деревню, поехал к ее верхней границе, где каменная кладка сходилась со скальным склоном горы.

Девчонку оставил с лошадьми, под присмотром своих, на расстоянии двух полетов пращи. Галлы принесли длинные жерди, и уже лезли во двор ближайшего дома. Там раздались гортанные крики, и пару раз звякнула медь. Остальные бойцы хлынули за своими, и маленькая демоница Эллона тоже понеслась вслед за мужами, иных обгоняя. Битоит наметил ориентиры, оставил совсем скудный резерв, и поспешил – надо же было приглядеть за девчонкой, как обещал.

Фарнак

На побережье явно шел бой. Шатер царя стоял, но основные действия происходили южнее – там хлипкая баррикада едва сдерживала воющую массу албанов. Фарнак увидел огромную фигуру отца в барсовой шкуре – он бился, размахивая огромным копьем.

– Спускаемся в лагерь! – распорядился Фарнак. Было ли это ошибкой, и не лучше ли было послать уже и так оттоптавшую ноги пехоту снова в гору, по следам Гипсикратии, он даже и думать об этом не стал. Пехота покатила под гору, было скользко, но его люди быстро спустились на ровное место, и – о, чудо – даже сумели частично построиться под значками – вот он, плод десятков лет войны. Фарнак бросил полусотню на помощь отцу, еще полусотню послал в лагерь – привести все в порядок, а сам с основной силой остался на небольшом холме, наблюдая за схваткой. Отца, похоже, прикрывали два дюжих галла, и за него пока можно было не слишком беспокоиться. Он посмотрел на солнце – этот день ловушек закончится ли когда-нибудь?

Эллона

Если кто ждал, что амазонка будет смиренно сидеть на лошади, пока другие бьются, то он просчитался. Эллона подтянула свою овчину, поправила меч, и рванула вперед. Хватаясь за щели, она взобралась на стену деревни. Внутри был небогатый двор с ручной мельницей, прессом для винограда, стойло для двух ишаков, сарай с козами, и стена дома с низенькой дубовой дверью. Дом никто штурмовать не собирался, но ворота, выходящие на улицу, уже раскрыли, и держали под контролем десяток копейщиков. На самом дворе валялись в странных позах несколько чужих тел в овчинах. Женщина и двое детей, сжавшись комками, забились под ореховое дерево, растущее посреди двора. На дереве висели крюки для разделки овец, и Элоне не захотелось смотреть, не придет ли галлам в голову самим провести тут царскую беседу. Она выбежала на улочку, и поток галлов понес ее дальше и вверх по улице. Навстречу несколько раз выскакивали чужие, их тут же сбивали с ног, и они еще некоторое время живыми катались под ногами бегущего войска, всяк старался не оставить за спиной живого врага, тем более что в плен брать приказа не было.

Она уже почти выдохлась, когда первые бойцы добежали до воющей толпы, дымящей факелами, блистающей оружием... и своими неприкрытыми спинами. Громкость криков утроилась, аж уши закладывало, или это из-за подъема в гору, Эллона уже плотно держала свой меч в руке, вот только кого бить-то она так и не успела понять, толпа крутилась, и вместо чужих спин она вдруг увидела чужие оружие лица, и чужой клинок нацелился ей в голову. Она присела, клинок просвистел сверху, она резанула по ногам, откатилась через плечо назад, вскочила, и едва не получила по голове древком копья. Меч вылетел у нее из рук, оскаленное лицо надвинулось, толпа надавила сзади, она оказалась прижатой к своему врагу, тот отбросил мешающее копьё, и схватился за длинный бронзовый кинжал, занес... кинжал ударился о железный браслет с рельефными ягодками, и под могучим кулаком лицо чужака хрустнуло, как кочан капусты. Битоит оттолкнул ее назад, вскочил перед ней, принял на скрещенные предплечья очередной удар, рванул на себя человека с кривым серповидным мечом, отобрал меч, вогнал в того, кто стоял на коленях, пытаясь прийти в себя после удара по лицу, потом бросил обезоруженного противника на копьё его же сотоварищей. Эллона машинально выдернула изогнутый меч из тела, прыгнула за спину Битоита. Тот нагнулся, и вытащил из-за сапог два бронзовых кинжала, сдвоенными кинжалами отвел копьё, пронзил руку врагу, прошел на шаг вперед, Эллона тут же срубила своим клинком наконечник с древка копья, подставила плечо под спину Битоита, когда тот пнул ногой своего обезоруженного противника, еще прыжок вперед, свои справа и слева, кто-то с размаху метнул вперед короткое копьё, ряды противника дрогнули, опять все завертелось в водовороте тел, но она видела только спину Битоита, и вот они перед высокими воротами, и из-за них слышен голос мамы!

Гипсикратия

Судя по крикам албанов, на выручку шел Битоит со своими галлами – мало кто из живущих мог так досадить противнику. Гипсикратия дала приказ собраться у ворот, готовить встречный удар – не век же сидеть в чужой усадьбе. Факелы еще перебрасывали через стену, но их уже никто не тушил – готовились идти на прорыв, коней передали коноводам, лучшие

бойцы пешими встали напротив ворот. Среди людей Гипсикратии было несколько, владевших пращей—она приказала им заготовить камней, сколько смогут унести. Судя по всему, Битоит пробрался дворами, а у нее кони, и она не потащит их через стены.

Но вот забурило прямо под воротами. Она закричала, велела открывать. Ворота отворялись наружу, пришлось налечь всем, разом, и пошло воинское веселье. Аланы работали короткими узкими акинаками, фракийцы теснили маленькими круглыми щитами и рубили короткими изогнутыми мечами, скифы вперед не лезли, им доверили коней. Наконец, Гипсикратия разглядела Битоита, а за его спиной – Эллону, безобразно грязную, залитую чужой кровью, и без меры довольную. Уподобляться Ментору с его нравоучениями времени не было, она зло глянула на Эллону, та в ответ скривила ротик – "а что я, я не виновата, что так вышло", ладно, будет время потом разобраться, если останутся живы. Битоит ее план одобрил, они послали вестового к резерву, пусть ведут коней к главным воротам, и ринулись вниз по главной улочке деревни. Возле верхней баррикады они остановились, и выпустили вперед пращников. Те постарались, камни споро летели с возвышенного положения, и улочка вскоре опустела. Галлы мигом раскидали баррикаду, и еще раз скрылись за спинами пращников. Кто из врагов выскочил—тот так и остался лежать, камень схвативши.

Гипсикратия скомандовала идти вперед, и ее фракийцы, прикрываясь щитами, пошли собирать на себя подарки сверху. Выжечь осиные гнезда времени не было, так, метнули пару дротиков в открытые окна, и отряд покатился вниз. На выходе из деревни пришлось лезть грудь в грудь, потеряли несколько своих, албанов в плен не брали, озверели все до умопомешательства, даже Эллона выла волчицей. Вырвались, сели на коней, коротко посоветовавшись, решили бросить деревню, как есть, римского золота здесь искать – вряд ли найдешь, а людей потерять – проще простого.

Эллона назад ехала на седле перед матерью, иногда с лукавством посматривала на Битоита, тот впрочем, оказался на диво любезен – вернул оброненный царский меч. Эллона уже сердцем прикипела к кривому клинку, меч приняла, но без радости.

– Откуда берутся амазонки, мама?—спросила Эллона.

– Лучше тебе не знать,— Гипсикратия увела коня выше по склону, остановилась на возвышении.

Зачем рассказывать о том, что и так ясно? Однажды в далеком селении мужчины отправляются на добычу, и привозят с собой не только обычную пищу набега, но множество золотых монет, и они собираются, покупают коней, оружие, и все мужчины, молодые и старые отправляются куда-то далеко, на осаду Родоса, или Эфеса, или Гераклеи... А потом, через год, два, три – приходят вести, что война была неудачной, что их послали на неприступные стены, поставили перед колесницами с серпами, бросили под слонов, или что они просто умерли от эпидемии. А женщинам и детям нужна еда, и они не могут сидеть на одних лепешках, и мука кончается, и им нужно выходить в свой первый набег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.